

— Бесстыжий выскочка! — с порога зашла в ругани матушка Тянь, с грохотом захлопнув за собой дверь. — Паршивый гэ'эр, возомнил, что может помыкать мною!

Люцзы и старик Тянь, до этого лениво валявшиеся на тюфяках, недовольно приподнялись.

— Что стряслось-то? — проворчал старик.

— Всё этот Ван Ин! Едва прибрал к рукам ключи от дома, как сразу задрал нос. Сегодня, представьте себе, додумался уговорить госпожу больше не ездить на гору в храм!

Отец и сын разом сели, их лица помрачнели.

— В самом деле?

— Стал бы я врать! С тех пор как он заправляет делами, каждую копейку в книжку вписывает. Люцзы теперь на закупках ни медяка лишнего не выгадает, а теперь этот выскочка и вовсе отрезал нам путь к храмовым подношениям. Помяните моё слово: настанут для нас чёрные дни.

Все эти годы матушка Тянь водила дружбу с монастырскими служками. Всякий раз, сопровождая госпожу Ли на молитву, она сладко пела о необходимости щедрых пожертвований, а после половина этих денег оседала в её собственном кармане.

Пока был жив старый хозяин Чэнь, она осторожничала, выманивая по паре сотен взней за раз. Но стоило главе семьи отойти в мир иной, а старшему сыну — слечь, как госпожа Ли с головой ушла в веру, ища утешения у богов. Тут-то служанка и развернулась: прикрываясь молитвами о здравии детей, она договаривалась с монахами о дележе «священных даров». Всего за год эта предприимчивая семейка набила кошелек на несколько десятков гуаней, заживя в небывалом для слуг довольстве.

Лишиться такого дохода для неё было всё равно что потерять родных отца с матерью. Как тут не гневаться?

Жалованье матушки Тянь составляло двести взней в месяц, Люцзы получал сто пятьдесят, а старик Тянь, приглядывающий за скотиной, и того меньше — сотню. Обычным людям этих денег хватило бы за глаза, но они привыкли к жирным кускам и вольной жизни. Старик не мыслил дня без доброго вина, а его сын — без мяса на столе.

— Нет, так дело не пойдёт, — пробормотал глава семейства Тянь. — Если и дальше позволять ему вертеть нами, в этом доме нам скоро места не останется. Что предлагаешь?

Сидевший рядом Люцзы внезапно подал голос:

— Пару дней назад, когда я был на рынке, угадайте, кого я встретил в переулке?

Старики обернулись к сыну.

— Ну, и кого же?

— Молодого господина Цинфэна, сына второго дяди.

— Как так? — изумилась матушка Тянь. — Его же люди из игорного дома в кандалы заковали, грозились руки-ноги отрубить! Неужто выкупили?

— Выкупить-то выкупили, — усмехнулся Люцзы. — Слышал я, уйму серебра отдали, лавки все распродали подчистую. Да и без увечий не обошлось — три пальца ему всё ж таки оттяпали.

Старики охнули, переглянувшись.

— И что он?

— Говорит, это всё наша госпожа виновата — бросила в беде, вот его и изуродовали. Спросил меня, не хочу ли я с ним в одном большом деле поучаствовать... Обещал, что как всё закончится, половина земель семьи Чэнь нашими станет.

— Что за дело-то?

Сын понизил голос до едва различимого шёпота:

— Он хочет извести Чэнь Цинъяня. Раз и навсегда.

— Потихоньку... Вот так, ещё шаг.

В заднем дворе усадьбы Чэнь стояла тишина, нарушаемая лишь наставлениями Ван Ина. Чэнь Цинъянь, опираясь на небольшую деревянную тележку, делал осторожные шаги, напоминая ребёнка, едва научившегося ходить. Ноги, неподвижно пролежавшие больше года, казались чужими, налитыми свинцом. Каждое движение давалось с невероятным трудом, и вскоре лоб юноши покрылся крупными каплями пота.

— Отдохни немного.

Ван Ин подхватил мужа под локоть и помог ему опуститься в кресло под густой тенью дерева. Сам же он вернулся к своим грядкам. До созревания томатов оставалось всего несколько дней, и нужно было не пропустить момент, чтобы собрать семена. Эти диковинные плоды ещё не знали в этих краях — мореплаватели пока не завезли их из-за океана, так что урожай был по-настоящему уникальным. Благодаря удобрениям из экспериментального поля растения наливались силой прямо на глазах. На другой грядке уже виднелись полосатые бока арбузов величиной с кулак — еще декада-другая, и можно будет пробовать.

Юноша сорвал с плети два молодых огурца, ловко стёр колючие пупырышки и протянул один Цинъяню. Хрусткий, сладковатый плод, выращенный без всякой химии, был лучшим лакомством в летний полдень.

— После полудня хочу выбраться в город, присмотреть место под лавку.

Цинъянь удивлённо приподнял бровь.

— Решил заняться торговлей?

Ван Ин, смешно раздув щёку, прожевал кусок огурца.

— Доходов с полей едва хватает на жизнь. А случись какая беда — и мы снова окажемся с пустыми руками.

Вчера Чэнь Си привёз деньги за проданное зерно — восемьдесят шесть гуаней. Осенью, после продажи проса, должна прийти ещё одна сумма. На первый взгляд деньги немалые, но расходы росли с каждым днём. Гэ'эр понимал: нужно искать верный способ приумножить капитал.

— И что ты намерен продавать?

— Когда ударят первые холода, я выставлю на прилавок свежие овощи со своего поля.

«Экспериментальное поле — слишком ценный дар, чтобы тратить его только на пшеницу. В этом мире, где не знают теплиц, осенью люди переходят на сушёную зелень да редьку с капустой»

Ван Ин планировал высадить овощи сразу после жатвы. Зимой, когда свежая зелень станет дороже золота, на этом можно будет сколотить целое состояние.

— Задумка хорошая, — согласился Цинъянь, — но опасная. Слишком многие захотят узнать, откуда у нас зимой берутся свежие плоды. Если раскроют твою тайну, быть беде.

Юноша уже обдумал это.

— Твой четвёртый дядя ведь служит чиновником в других краях?

Супруг кивнул.

— Да, Чэнь Цзин сейчас занимает пост чжоуму в Лайчжоу.

— Вот его именем мы и прикроемся. Пустим слух, что овощи везут в обозах с юга специально для нас.

— Ох, не знаю... — засомневался Цинъянь. — Если до дяди дойдут такие вести, он может не на шутку рассердиться.

Ван Ин весело рассмеялся:

— От Лайчжоу до нас больше шестисот ли! Путь в один конец занимает полмесяца. Кто станет доносить ему о какой-то лавке в захолустье? Да и не рассердится он на племянника из-за такой мелочи. Его имя нужно нам лишь как щит от лишних неприятностей.

Чэнь Цинъянь ещё немного поколебался, но сдался.

— Хорошо. Я напишу дяде письмо. Если он даст добро — открывай свою лавку.

— Договорились. К тому же скоро Праздник середины осени, вместе с письмом отправим ему и добрые подарки.

После полудня Ван Ин в сопровождении Цинъюнь и Цинсуна отправился в город. Дети, прослышав, что невестка берёт их с собой, едва не прыгали до потолка от восторга, выслушав напоследок длинное наставление от госпожи Ли.

С тех пор как юноша оказался в этом мире, он выбирался на рынок всего пару раз. Смотреть в Чансине было особо не на что: город считался крупным лишь по меркам окрестных деревень. Всего одна главная улица, по обе стороны которой теснилось едва ли три десятка лавок. В обычные дни здесь было пусто, и лишь по базарным дням город оживал.

Сегодня, двадцать пятого числа седьмого месяца, в Чансине как раз шумела ярмарка. Повсюду виднелись знакомые лица — крестьяне из Ванцзячжай и соседних деревень расставляли лотки прямо у дороги. Торговали всем подряд: яйца отдавали по вэню за штуку, домашнюю снесь и

садовые плоды — и вовсе за бесценок.

Глаза детей разбегались от обилия диковинок. Ван Ин вручил каждому по связке монет, позволив покупать любые сласти, а сам неспешно пошёл вдоль торговых рядов.

Лавки в городе в основном сдавались в аренду — от трёхсот до пятисот вэней в месяц. Выкупить же помещение в собственность стоило недёшево: за приличную лавку просили не меньше сотни лянов серебра, ведь такая недвижимость считалась вложением на поколения вперёд.

Пройдя чуть дальше, он оказался возле здания, принадлежавшего когда-то семье Чэнь Бяо. Раньше здесь торговали свечами и благовониями, но после проигрыша его сына помещение отошло игорному дому. Теперь на дверях висела табличка о продаже.

Просили за неё всего шестьдесят лянов — цена завидная, но Ван Ин не хотел иметь ничего общего с роднёй мужа. Стоит им прознать, кто новый хозяин, — замучают тяжбами и скандалами.

Он двинулся дальше и вдруг замер. Из-за угла вынырнул Люцзы. Вид у него был крайне подозрительный: слуга постоянно оглядывался и, наконец, шмыгнул в узкий проулок.

Ван Ин хотел было окликнуть его, но вовремя заметил, что следом идут ещё двое. В одном он сразу узнал Чэнь Цинлина, младшего сына второго дяди. Второй же, хоть юноша и не видел его раньше, судя по отсутствующим пальцам на руке, мог быть только Чэнь Цинфэном.

«Что Люцзы забыл в компании этих двоих?»

Сгорая от нехорошего предчувствия, Ван Ин тенью скользнул следом. Троица шла быстро, не подозревая о слежке. Миновав пару поворотов, они нырнули в неприметный дом. Это и было новое пристанище семьи Чэнь Бяо — их прежнее богатое поместье давно забрали за долги.

— А, Люцзы пришёл! Заходи скорее! — из глубины двора донёсся голос Чэнь Бяо. Он радушно подхватил гостя под локоть и увёл в дом.

Внутри царил настоящий разор: вещи навалены грудями, пыль, теснота... Трудно было поверить, что здесь живёт некогда богатый господин.

— Второй господин, — Люцзы неловко примостился на край колченогого табурета.

Чэнь Бяо обвёл комнату горестным взглядом.

— Видишь, до чего довели? Эти псы из игорного дома — сущие дьяволы. Мало им было

искалечить моего сына, так ещё и родовое гнездо отобрали! Приходится ютиться в этой дыре.

Окно было приоткрыто, и голоса в тишине двора звучали отчётливо. Притаившийся за углом Ван Ин едва сдержал презрительную усмешку.

«Какое бесстыдство! Сын спустил всё в кости, а виноваты у него другие»

— Ну так что, Люцзы? Ты обдумал то, о чём говорил тебе Цинфэн? — голос Чэнь Бяо стал вкрадчивым.

Слуга замялся, в его тоне послышался страх:

— Второй господин, дело не в том, что я не хочу... Просто это... это ведь страшно. Если всё вскрыется — нам всем головы не сносить.

Ван Ин затаил дыхание.

«О чём это они? Смертная казнь?»

— Неужто тебе охота до конца дней на побегушках быть? — вкрадчиво продолжал Чэнь Бяо. — Слышал я, ваш новый гэ'эр — змея ещё та. Даже родную мать твою ни во что не ставит. Как только госпожа Ли преставится, вам в том доме и вовсе места не будет. Вышвырнет на мороз, и поминай как звали.

— Ваша правда, — зло проворчал Люцзы. — Матушка места себе от злости не находит. Потому и велела мне к вам идти за советом.

Мужчина кивнул сыну. Чэнь Цинфэн выложил на стол заранее подготовленную бумагу.

— Как только всё закончится, всё хозяйство семьи Чэнь перейдёт ко мне. Половину пахотных земель я отпишу вам. Хватит и тебе, и твоим старикам на безбедную старость.

Слуга, знавший грамоту, жадно впился глазами в договор. Сердце его забилося чаще. Половина земель поместья — это больше сотни му! Один только доход с аренды составит шестьдесят-семьдесят гуаней в год. Целое состояние для простого возчика.

— Второй господин, говорите, что нужно делать.

Чэнь Бяо хищно улыбнулся, в его глазах вспыхнул яростный блеск.

— Племянник мой и без того слаб здоровьем. Если он вдруг скоропостижно скончается —

никто и не удивится.

Чэнь Цинфэн выудил из-за пояса небольшой сверток. Действуя лишь двумя уцелевшими пальцами, он осторожно выкатил на стол бумажный пакетик.

— Здесь мышьяк. Пусть твоя мать подмешает его в еду Чэнь Цинъяню. Один обед — и отправится твой хозяин напрямиком к праотцам.

Люцзы дрожащими руками принял яд и спрятал его за пазуху вместе с договором.

— Не стану тебя задерживать. Как дело выгорит — отпразднуем как следует!

Стоявший за стеной Ван Ин почувствовал, как по спине пробежал ледяной холод. Эти звери в человеческом обличье только что хладнокровно сговорились совершить убийство.

«Слава богам, я решил проследить за ним! Иначе мы бы и не поняли, отчего Цинъянь угас»

Нужно было немедленно возвращаться домой. Времени не оставалось — жизнь мужа теперь висела на волоске.

<http://bllate.org/book/15812/1427251>